

Интервью с Александром Голыньским.

Цветные разнообразные слои, предлагаемые нам материей жизни

– Расскажи про твое первое столкновение с искусством. Какие авторы на тебя повлияли?

– Я родился в Крыму, учился в Крымском художественном училище на факультете дизайна интерьера. Потом учился в Киеве на факультете кино и сценографии. Первое мое столкновение с современным искусством – это открытие пространства PinchukArtCentre в Киеве, где проходила большая групповая выставка. Получилось так, что это было в буквальном смысле столкновение. На выставке была представлена комната с туманом Олафура Элиассона. Когда я выходил из нее, я столкнулся со стеной. Это, конечно, косвенно связано, но все же. Возле PinchukArtCentre под Крещатиком есть подземный магазин. Когда мы пошли туда после выставки, все стало восприниматься под другим углом – как будто это художественное пространство, созданное не для практических рациональных нужд, а как художественное пространство, созданное «от искусства».

Вообще PinchukArtCentre очень на меня повлиял. Впоследствии там проходили выставки таких художников, как Дэмиен Херст, Аниш Капур, Братья Чепмен. Также были представлены работы из жучков Яна Фабра, была выставка Тони Оурслера.

Но есть также художники, которые сейчас на меня влияют. С развитием интернета появилась возможность знакомиться с новыми художниками онлайн, на протяжении последних двух-трех лет я пытаюсь добавлять их в друзья. Среди тех, кто на меня повлиял именно по интернету, – Howard Schwartzberg, Lucas Simoes, Alain Pino, Gisela Colon, Lara Favaretto, Vincent Mauger, Derrick Velasquez, Dave Hardy.

По мотивам взаимодействия с этими художниками и возникла история с «Политалью» – многие из них как раз работают с материалом, нарочито подчеркивая их свойства. Дэйв Харди, например, работает со стеклом и поролоном. Он выстраивает стеклянные конструкции и прокладывает их поролоном, работая с сопротивлением материалов. Почти все перечисленные художники отобраны мной по этому принципу. Их работы можно объединить и назвать все это «Политаль» – создание разнообразных деталей. Естественно, у каждого из этих художников свои мотивы, как и у меня свои. У меня это связано с социальной историей, с капиталистической схемой мышления, которая к нам пришла недавно. У кого-то это связано с чем-то другим. А вот эта «политальность» – это то, на что следует обращать внимание сейчас.

– Ты перечислил повлиявших на тебя художников, объединенных общим направлением. Скажи, ты видишь в их работах и своих связь с направлением Арте Повера, итальянского бедного искусства.

– Надо учитывать, что это не молодые художники, а уже состоявшиеся, имеющие свой бэкграунд авторы. При этом у них проходят выставки, но они не занимают какие-то лидирующие позиции в арт-мире. С Арте Повера я вижу разве что формальную связь – использование отработанных, бытовых материалов. Политаль – деталь, объект, который создан из множества однотипных фрагментов, из которых объект формируется по принципу сепарата, сопротивления материалов. У одного из этих художников есть объект – большое кольцо из трубочек. Верхние слои трубочек меньше деформированы, нижние – больше. Создается некая уникальная форма, которая деформируется под помещение, условия, в которых она находится. Получается вечно изменяющаяся в своих рамках конструкция.

– Ты сказал, что видишь в только формальную тенденцию, объединяющую твои работы с произведениями этих авторов. А что насчет концептуальной составляющей? Какова связь сопротивления материала, например, с капиталистической системой, о которой ты говорил?

– Я исхожу из своей ситуации. Изолента, с которой я работаю, имеет свой временной бэкграунд для жителей постсоветского пространства. Изолента была у всех, ей можно было ремонтировать всё.

Я беру этот материал коммунистической системы, переношу в современную капиталистическую и из нее делаю модель этой капиталистической системы. Я разрезаю моток изоленты и раскрываю его на ровной

плоскости. По своему очертанию эти слои напоминают социальные слои – какие-то фрагменты слоев отрываются от нижних, какие-то остаются вместе – важно расслоение.

Одной из главных работ в экспозиции становится разрезанный моток – четыре разрезанных мотка на стекле. Это такая формула; дальнейшие объекты являются частью этого мотка, какими-то узлами, ее увеличенными фрагментами. Дальше я по-разному их трансформирую, занимаюсь формотворчеством.

Также есть материал – уплотнитель. Как утеплитель, этот материал нам близок, так как большую часть года у нас холодно. В экспозиции есть объект, фрагмент которого создан из этого уплотнителя и точно такой же фрагмент повторен из цветной изоленты, который как капиталистическая система приживается в нашем холодном климате. Конечно, это такая буквальная интерпретация, в реальности все гораздо шире, и не стоит сводить взгляд на изоленту как на капиталистическую модель.

Это также всегда личная история, история каждого человека. Сейчас много людей, находящихся онлайн, изолированы друг от друга – деформируется форма общения. Получается еще и история об изоляции.

– Ты сказал о главном объекте. А предполагает ли экспозиция какую-то траекторию движения, или ты против навязывания определенного маршрута?

– Думаю, можно смотреть с любой точки. Важна сетка, которая, с одной стороны, является скелетом экспозиции, а с другой – задает ландшафт внутри выставки. Круглый объект на балконе таким образом собирает в себя всю эту сетку, будто вся экспозиция вышла из одного мотка.

– Получается, если вся сетка вышла из одного мотка, то вся экспозиция рассматривается как единый объект?

– Да, конечно, это все одна деталь. Тут еще важно, почему это деталь, – это всё фрагменты одного механизма – механизма жизни, механизма искусства.

– Важен ли для тебя диалог со зрителем, или это твой монолог, презентация твоей идеи?

– Диалог как таковой, по крайней мере в моем искусстве, мало проявляется. Скорее, объекты, которые производит художник, это такой фильтр, через который проходит его мировоззрение. Художник не находится в диалоге ни с кем. Это монолог в пустоту, попытка понять этот мир через формы.

Изолента – это также история о дистанции. Ты режешь изоленту на фрагменты, но не можешь проникнуть в сам материал, лишь плодишь фасадные грани этого материала, оставаясь на одной и той же дистанции, даже если раскрошишь материал на крупы. Получается такая фрактальная структура – сам материал, каждая его деталь являются самоподобной частью множества, которое можно делить как угодно. Это важно, потому что современный человек, особенно житель мегаполиса, постоянно существует на одной и той же дистанции к окружающему миру и тоже никак не может проникнуть внутрь.

– В таком случае получается, что ты оказываешься наравне со зрителем, ты тоже не можешь проникнуть внутрь вещей.

– Да, моя особенность лишь в том, что я задаю вектор этих фасадных граней. Но ты абсолютно правильно заметила, я на той же дистанции, что и зритель, я тоже оказываюсь снаружи и не могу проникнуть внутрь.